

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДИАНИ

NIKKI TOXIC

18+

Nikki Toxic

Длань

«Автор»

2026

Toxic N.

Длань / N. Toxic — «Автор», 2026

В деревне появился колдун? На колодец наложили проклятие? Зови Нежича. От него любой бежать будет. Он ведь и сам не совсем человек. Изводит чародеев, шишимор, да и другую всякую поганую силу. Вознаграждение? А плату Нежич не берет, нет. Ему главное, чтобы всем воздалось по справедливости. Но нет ее в мире давно, как и правды. Вот и плутает Нежич, ищет то, не знаю что. Но находит только отражения лиц тех, кого отправил к мертвым богам. Они улыбаются ему, смотрят на него гнилыми глазами. Ждут часа, когда он отправится к ним, в объятия истлевших рук.

Содержание

Нежич. Темное место	5
Проклятый колодец. Глава 1	7
Проклятый колодец. Глава 2	12
Проклятый колодец. Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Nikki Toxic

Длань

Нежич. Темное место

Сырую подвальную комнату освещало пламя из очага. Человек с черными волосами в длинных меховых одеждах сидел на корточках возле огня и грел руки. На лице черноволосого застыло сильное недовольство, словно тщательно выстроенный план пошел по известному месту.

Неподалеку от него на каменном выступе сидел оголенный до пояса мужчина. Торс почти полностью был покрыт свежими и уже начавшими заживать ранами. Руки его были скованы массивными металлическими кандалами, цепь от которых шла вверх и терялась за густой седой бородой. Волосы на голове, тоже поседевшие раньше времени, были слеplены друг с другом из-за крови.

Пленник сидел с закрытыми глазами. Сном его состояние назвать можно было только с натяжкой: с момента, как он попал в темное место, ему не удавалось нормально выспаться. Он почти в любое свободное от пыток время проваливался в липку и мерзкую полудрему. Вот и сейчас его мышцы на руках и груди напрягались, будто были готовы в любой момент ко всему, левая щека мужчины, зашита черными грубыми нитками, дергалась, словно в припадке.

Темное место. Так называли пыточные по всему Северу. Как правило их обустроивали в подвалах под кремлями, княжескими домами или крепостями Длани. В темных местах самым жесточайшим образом пытали и убивали колдунов, ведьм, всяческих людей, имевших отношение к магии или помогавших им. Длань находила и карала даже тех, кто дал кусок хлеба проходившему мимо ворожею.

Закон был один для всех. Все, что относилось к чародейству — истреблялось безжалостно.

Черноволосый решил, что его руки достаточно согрелись. Он встал, подошел к пленнику и наотмашь ударил его по лицу. Седобородый дернулся, сплюнул на пол кровавый сгусток и продолжил сидеть с закрытыми глазами.

— Твое упрямство начинает раздражать меня, Нежич, — медленно и громко сказал мужчина в меховых одеждах. — Я действительно восхищаюсь твоей стойкостью, но...

Он сделал паузу, шумно высморкался, повернулся спиной к пленнику и снова поглядел на очаг.

— Любой огонь перестанет гореть, когда кончится то, что он пожирает. А сколько еще продержишься ты, Нежич? Два дня? Неделю? Месяц? Ты же не дурак, ты должен понимать, что в конце концов мы получим желаемое. Не ты ли ловил выроdkов и допрашивал их сам? Не ты ли находил ведьм и вытягивал у них требуемое до последней капли, прежде чем скормить...

Мужчина презрительно скривился. И повернулся обратно к Нежичу. Тот приоткрыл глаза и со слабой усмешкой смотрел на стоявшего напротив него черноволосого.

— Я уже здесь месяц, кажется, — голос Нежича звучал слабо, еле слышно, но меховые одежды на мужчине шевельнулись, будто тот дернулся от неожиданности. — И за этот месяц произошло многое. Меня пытал лучший палач всея Длани. Допрашивал святой отец из этой убогой церкви Первобога, чтоб его лешак в дерево вплел, сука. Меня морили голодом, избивали, угрожали казнью, да не одной, нет. Всеми, которые только известны у нас в государстве.

Нежич закашлялся и снова сплюнул. На этот раз в слюне не было примеси крови.

— А теперь ко мне пришел ты, Пустыр. И ты думаешь, что, если рядом со мной будет стоять тот, кого я когда-то осмелился называть другом, то я скажу хоть что-то?

Пленник хрипло засмеялся и потряс руками, показывая оковы Пустыру. Подвал наполнился лязгающим звуком.

— Вы заковали меня, зашили щеку, ослабили пытками и побоями. И все равно вы меня боитесь, — Нежич прищурился и посмотрел прямо в глаза черноволосому. — Ответь мне на вопрос Пустыр: как целая Длань, за которой стоит цареве войско и пресвятая, мать ее, церковь Первобога, может бояться одного жалкого человечешку?

Пустыр шумно задышал и схватил Нежича за волосы, притянув его лицо к своему.

— Щенок, с чего ты вообще взял, что тебя кто-то боится?! Твое время уже давно прошло, ублюдок. Тебя обвиняют в таких страшных преступлениях, за которые другого уже давно бы отправили на медленный костер. Но нет, Нежич, тебе уготована другая участь. Однако сначала ты расскажешь нам все. Все, ты слышал?! Даже, если для этого понадобится еще целый год.

Разъяренный мужчина отшвырнул пленника к стене. Тот больно ударился головой о камень и застонал, а Пустыр рывком дернул решетчатую дверь, вышел и захлопнул ее за собой. Хитрый замок сам запер вход, как только решетка коснулась рычажка. Теперь открыть дверь можно было только с помощью особого ключа, который имелся только у Пустыра и еще одного человека.

Нежич хотел потереть ушибленное место на голове, но руки в оковах не позволили ему это сделать. Он снова закрыл глаза и попытался сосредоточиться на чем-то далеком от темного места. Чем-то, что до сих пор приносило ему радость, хоть и было совсем не рядом.

Левая щека снова задергалась, нитки больно впились в кожу. По ладоням прошелся зуд. Нежич немного, насколько позволяли кандалы, отвел их друг от друга. На обеих ладонях появились разрезы, напоминающие края раны, но без крови. Они раздвинулись, обнажив пленку, и стало понятно, что больше всего они походят на... веки.

А затем пелена сдвинулась и в ладонях появилось по глазу. Они уставились на Нежича и несколько раз моргнули.

— Сиди спокойно, Чур, — мягко сказал пленник. — Собьешь нити со рта, так они тебя по новой зашьют. Первый раз что ли?

Глаза на ладонях согласно моргнули, левая щека перестала дергаться.

— Да, Чур. Вляпались мы с тобой по самое не балуйся. Ну а кто виноват? М? Что ты мне подмигиваешь? Ты тоже причастен. Ну в какой-то мере.

Нежич откинул голову на холодный камень и попытался вспомнить, с чего все началось. Но вместо этого мысли путались и на поверхность всплывал далекий день, когда они с Пустыром пришли в одну клятую деревушку. Тогда друг... Точнее уже давно бывший друг заварил интересную кашу. Пленник вздохнул и погрузился в горькие воспоминания.

Проклятый колодец. Глава 1

Деревня Большие Курки расположилась в далеких и глухих местах. На десятки верст вокруг не было ни одного мало-мальски крупного поселения, разве что дикие села, где не осталось никого кроме парочки оглоших стариков. До столичного города Северного царства — Среброграда — более двух недель пути по вымершим деревням и лесам, по которым шныряют порождения Великого Побоища. С тех пор прошло уже больше ста пятидесяти лет, но вычистить обнаглевшую нечисть, захватившую почти что весь мир, было практически невозможно.

Но не нечисть беспокоила жителей деревни. От тварей в Больших Курках стояла положенная защита, благодаря которой никто кроме человека не смог бы пересечь границу. Люди пожаловались на то, что в окрестности деревушки пришел колдун. Сам староста Бруг Зашевич в письме, направленном Длани, рассказывал, что "окаянную падаль" и "мерзейшего родственника утопца" видели по ночам, ходящим по улицам. Высказываний и описаний колдуну присваивали десятками. Насколько ума простого люда хватало. Но староста признавал, что никто не мог описать или рассказать, как выглядит тот самый колдун. Однако все свидетели как один твердили о темном балахоне, полностью закрывающим тенью лицо, и посохе, на который чародей опирался при ходьбе.

Письмо от Зашевича было длинное с кучей ошибок и непонятных высказываний. И к сути староста подобрался только в самом конце. Колдун этот, побродив по округе и нагнав страху на людей, проклял единственный колодец. Второй источник питья в деревне был, но он пересох еще позапрошлым летом.

А после проклятья вода в колодце стала отдавать тухлятиной. Люди, выпившие ее, валились с ног от болезней, лежали по несколько дней со страшной лихорадкой, покрывались сыпью. Иные даже умирали.

Да и скотина страдала. Поить было больше нечем, поэтому деревенские лишились уже почти всех домашних животных.

После всего случившегося уставшие и напуганные жители решили обращаться к Длани. Староста не стал ждать, пока вся деревня вымрет, и вызвал безглазого ворона, который отнес письмо-прошение к ближайшей заставе. В самом конце послания Бруг Зашевич слезно умолял Длань не оставить его людей в беде и прислать своих охотников, чтобы те выследили чародея. Ну и заодно сделали что-то с проклятием на колодце.

Никто не знал, что это за Курки и по какой причине они большие. Но придирается к названиям у Нежича желания не было. Еще несколько дней назад он на одной из восточных застав Длани надирался хмелем вместе с Пустыром, а теперь им приходится отбивать задницу на лениво скачущих лошадях, отмахиваясь от вездесущего гнуса, лезущего из-под кромки деревьев. Чуть спереди над ними кружил безглазый ворон, указывая дорогу и периодически покрикивая на нерасторопных охотников.

На плащах у них красовались вышитые символы. Четыре вытянутые вверх пальца, прижатые друг к другу, а пятый — большой — прижат к ладони. Знак Длани, который никто даже в самом глухом краю не перепутает ни с чем.

Дланники появились еще тогда, во время Великого Побоища. Предавшие свою братию чародеи перешли на сторону людей. И начались всяческие эксперименты. Много народу тогда полегло в тщетных попытках создать воинов, что будут защищать смертных от всемогущих колдунов. Но какое-то из испытаний дало свои плоды. И появились охотники. Тогда люди обрели щит, который уже после войны превратился в карающую Длань.

— Проклятая птица, — сплюнул Пустыр, глядя на безглазого ворона. — Не иначе, как эту нежить вывели колдуны еще до Побоища. Поубивать бы их по-хорошему, колдовское отродье...

Ехавший рядом Нежич усмехнулся:

— Эдак надо все истребить. Снесем идолища древних богов, чтобы деревни остались без защиты. Убьем безглазых и будем неделями ждать письма, или плутать там, где карты неверны. Молвики свои тоже сожги, чтобы никакие наговоры и заговоры не приводить в силу. Ведь и мечом можно взять, верно ведь?

— Ну что ты сразу, — насупился Пустыр. — Я же не имею ввиду, что прямо так все нужно изничтожить. Нет. Но птицы эти... Явно будь их воля, они бы и чародеям прислуживали. Нежить, что с них взять. Вон как ругается.

Безглазый ворон летал и крыл их последними словами, призывая поторопиться.

— Напоминаю, друже, что и мы тоже своего рода колдовские отродья, — Нежич поднял правую руку и показал ему ладонь. Появившийся глаз с укоризной посмотрел на Пустыра и зажмурился. — Утробники наши как раз пришли из той эпохи. До Побоища.

— Да? А я всегда считал, что их вывели.

Молодой Пустыр еще, подумал Нежич. Много чего не знает. Не так давно дланником стал. А памяти о прошлой жизни и совсем не осталось. Впрочем, как и у всех, кто служит Длани. Ничего, опыт — дело наживное, придет со временем. Нежич вспомнил, что много-много лет назад и он был на его месте. Улыбнулся и терпеливо объяснил:

— Вывели. Создали искусственно, да, ты прав. Но создали именно те чародеи, которые встали на сторону смертных. Считай, предали своих, но сделали этим самым благое дело. Вряд ли люди тогда смогли бы выстоять против колдунов и их войск... К чему я это? А, точно. Учи историю, бездарь!

Нежич хохотнул и пятками слегка ударил лошадь по бокам, отчего та поскакала быстрее. Пустыр сплюнул еще раз и поспешил за другом.

К Большим Куркам они прибыли к закату. Деревню почти со всех сторон окружал лес, поля были только там, откуда прискакали охотники. Солнце последними лучами силилось достать до верхушек простых деревянных изб, но мешалась густая листва окружающих деревьев.

На подъезде к деревне матерящая птица куда-то исчезла. Злого умысла со стороны летающей нежити не было — свою задачу безглазый ворон выполнил и улетел по другим делам.

На улицах Больших Курков почти не было людей, но Нежича это не напрягло. Все в это время воздают благодарность Первобогу и молятся за спасение душ грешных. А вон и покосившаяся от времени деревянная часовенка, расположившаяся на возвышенности. Охотник хмыкнул и направил коня не туда, а в противоположную сторону вглубь деревушки. Пустыр, увидевший дома и уже спрыгнувший с лошади, побрел за ним, недовольно фыркая.

Расслабился соратник.

Дланники добрались до дома старосты и остановились. Жилище Брога выделялось на фоне остальных изб некоторым намеком на зажиточность. Насколько себе мог позволить староста глухой деревушки. Забор у него был высокий и крепкий, нигде не отваливалось ни одно бревнышко. Крыша с виду не прохудилась, а тропинка от калитки до двери была выложена камнем. Невиданная роскошь! Нежич хмыкнул и решил подождать возвращения Зашевича из церкви, но дверь дома вдруг открылась. На пороге показался толстый плешивый человек с огромными темными пятнами под глазами, говорящими о долгом недосыпе. Увидев охотников он всплеснул руками и подбежал к калитке. Открыл ее и упал на колени прямо на грязные камни.

— Дланники, батюшки, приехали! — завопил тот противным голосом. — Я уж думал — все. Перемерем тут как мухи! Мы уж и Первобогу молимся чуть ли не от рассвета до заката, и идолищу подношения вне очереди сделали! И это самое...

Нежич устал слушать вопли мужика и спрыгнул с коня. Человек сразу же потянулся к сапогам охотника. Видимо, захотел поцеловать. Нежич брезгливо отодвинул ноги, наклонился к нему и дернул за шиворот, принуждая встать.

— Меня зовут Нежич Кметых, — сказал он, глядя в бегающие глаза мужичка. Кивнул на друга. — А это Пустыр... Это ты здешний староста?

Тот быстро быстро закивал.

— Да, я, батюшка, я. Брог меня звать. Я письмецо-то вам писал про колодец. Ух беда какая, получилась, колдун...

— Хватит, — прервал его Пустыр. — Давай в дом. Там поговорим.

Староста еще раз кивнул и улетел в дом с неожиданной для такого тучного человека скоростью. Охотники пошли за ним. Внутри их встретила суeta. Зашевичи оказались большим семейством. Жена Брога орала на нерасторопных детей, которые носились из одной комнаты в другую, таская на стол все съестное, что попадалось под руку. Брог в свою очередь орал на супругу, попутно раздавая тумачков детям. Отпрысков у них оказалось трое. Двое младшеньких пареньков, лет десяти отроду, похожих друг на друга как две капли воды. И их старшая сестра — уже взрослая девица красавица. Нежич взглянул на нее и вспомнил, что уже давно не посещал добрую баньку с соблазнительными натиральщицами.

От мыслей его избавил Брог. Он усадил дорогих гостей за стол, налил им хмельного по полной кружке и начал представлять семейство:

— Это женушка моя, Черница, — приобнял он женщину и кивнул на сыновей. — Эти два бесенка — Орка и Корка. А это — Малька.

Старшая дочь при упоминании своего имени слегка вздрогнула, но тут же улыбнулась гостям. Нежич машинально отметил это, но не придавал значения. Мало ли девушке имя свое не нравится. Или повздорили с отцом накануне из-за чего-то. Козу не подоила, или убралась в комнатах не так тщательно, как обычно. Да и проклятье на колодце нервов людям не добавляет. Кстати о колодце, вспомнил охотник.

— Садись, хозяин, рассказывай, — кивнул он Брогу и отхлебнул из кружки. Пиво было вкусное, прохладное, дланник зажмурился от удовольствия.

Староста сел напротив охотников и сбивчиво начал рассказывать. С год тому назад в Больших Курках обосновался здравник по имени Зелан. Пришел издалека, рассказал, что на его деревню напала нежить, а он, мол, единственный, кто смог сбежать. Добрые люди приютили Зелана, помогли подлатать ему один из заброшенных домов на окраине. Взамен здравник пообещал лечить людей с помощью своего мастерства — травами, да настоями. И жили все себе спокойно, пока по деревне не начал ходить по ночам колдун.

— Ну все же хорошо понимали, что колдуном не может быть никто из наших, да? — рассказывал Зашевич. — Верно я говорю, господа дланники?

Нежич переглянулся с Пустыром переглянулись и решил промолчать. Он кивнул Брогу, призывая продолжить историю.

Сначала никто не обращал внимания на странную фигуру, шляющуюся по улицам в балахоне. Ну мало ли какой дед на старости лет решил херней пострадать. Однако затем фигура пропала, а местные начали травиться. Первыми слегли Мещяки — семья, живущая возле колодца. Сначала у всех появился жар, затем сразу же пришла страшная рвота, а после этого руки и ноги начала покрывать красная сыпь. Пришедший к ним Зелан только разводил руками. Причину недуга ему установить так и не удалось, но облегчить состояние больных он смог. Правда на следующий день с такими же признаками слегли еще несколько людей.

Ходящую по деревне болезнь удалось остановить не у всех. Пять человек умерли в одну ночь, тихо скончавшись от обезвоживания. К тому моменту здравник уже понял, что причина хвори кроется в воде из колодца.

Тут-то все вспомнили про ходящую по ночам фигуру в балахоне. Сомнений к тому моменту у жителей не осталось: в деревне обитает колдун. И этот самый ворожей, по их мнению, проклял их единственный источник питья. Второй колодец, как уже указывалось в письме, пересох, а др ручья нужно было идти добрые две версты. Да и не факт, что дойдешь

и обратно вернешься. Чуть сунешься за границу деревни, там и звери дикие поджидают и нечисть неведомая сцапать может.

Горевал люд честной недолго. Сообща решили найти колдуна и наказать его при благословении Первобога. Церковь в лице местного священника Ивряша дала добро, после чего в деревне началась настоящая охота на ведьм.

— Мы тогда решили, что колдуном оказался здравник Зелан, — рассказывал Брог. Все семейство сидело на скамье рядом с ним. Мальчишки весело переругивались, Черница шипела на них, а Малька сидела отрешенно, будто погруженная в свои мысли. Изредка ее взгляд быстро проходил по охотникам, но сразу же убегал куда-то в другое место. Стол, кружку, тарелку с щами — неважно.

— И, значит, ночью мы решили схватить этого здравника-самозванца, — продолжал староста. — Вооружились кто чем. Сенька топор боевой прихватил, Миха с вилами пошел, я — с палицей, которая мне от прапрадеда досталась. Он у меня этот прапрадед в Великом Побойище голову сложил. Только палица от него и осталась — друг его привез в Большие Курки и отдал семье нашей. Реликвия! Мы ее храним, как зеницу ока... Ах да, здравник. И пошли мы на него. Двадцать мужиков, да не с пустыми руками представляете? Ясное дело, что тот нас испугался, колдунишко. Завизжал, убежать попытался, да куда там ему против верных слуг Первобога!

Нежич хмыкнул. Видал он таких тварей-чародеев, что никакие двадцать мужиков с вилами их бы даже поморщиться на заставили. И тридцать, и сорок. Да и сотня оборванцев ничего бы такому ворожею не сделали. Одно только правильно сплетенное заклинание — и пожалуйста. Нет больше народного ополчения. Одни вилы лежать на земле и остались бы. А тут так. Колдунишка со слегка проклянувшимся даром, который, по какой-то странной причине не заметил никто из охотников во время объездов.

Вспомнил он облаву на одного десятилетиями скрывавшегося выроodka.

Игрид Арденский. Чернокнижник в высшей степени владел искусством некромантии. Нежич, будучи тогда еще совсем новичком, пришел в один городишко, что стоял на границе с Западным царством. Длань долго искала Игрида, а после того, как удалось установить его точное местонахождение, отправила десятерых охотников. Дланники прибыли в городишко под названием Скамест. И встретила их на улице звенящая натянутая тишина, что бывает перед бурей. Глава отряда гнал их и не обращал внимания на то, что охотники идут в ловушку.

Когда дланники оказались на главной площади города, на них отовсюду полезли мертвецы. Бывшие еще совсем недавно живыми жители Скаместа шли, подгоняемые одной лишь только волей некроманта. Тогда в битве мертвяки разорвали шестерых охотников. Четверым удалось спастись и сбежать из города. А что до чернокнижника... Игрид, уничтоживший всех жителей Скаместа, чтобы поднять их послушными болванчиками из мертвых, тогда смог сбежать. Дланникам не только не удалось вступить с ним в прямой бой, нет. Они не смогли его даже найти за сонмищем мертвых.

И не помог тогда охотникам ни Первобог, которого почитает царь, ни древние уже давно покинувшие этот мир боги, которых официальная церковь называет языческими. Никто не помог, кроме молвиков и добрых мечей.

Скамест теперь навеки остался покинутым городом, по которому бродит нежить, лишившаяся хозяина. Некромант, давший отпор самой Длани, чего не удавалось практически никому из колдунов и ведьм, скрылся в Западном царстве. Там его начали преследовать местные охотники из другой ветви, но они быстро отстали. Теперь же выроodka и след простыл.

Нежич про себя давно решил, что в Скамест он не сунется даже под угрозой смерти. Убить его теперь не так-то легко, но целый город мертвяков не стал бы с ним состязаться во владении мечом.

— ...И повели мы суку эту в деревню, — вывел Нежича из раздумий голос Брога. Староста слегка запыхался, живо рассказывая историю и жестикулируя руками. Он отпил из кружки и вытер пену с усов.

— Так давай мы допросим этого вашего здравника, да выясним, какое такое проклятие он наложил на ваш колодец, — сказал Пустыр, пережевывая кусок хлеба с ароматным сыром. — Он у нас быстро расколется, да снимет его. Делов-то.

— Да и есть подозрение, что Зелан и не колдун вовсе, — вкрадчиво сказал Нежич. — Не будет колдун от мужиков с вилами и палицами просто так бегать, разве что какой-то совсем ослабленный или неумеющий. Что-то у меня в голове все не особо сейчас сложилось... Брог, так где он? Веди.

Староста замялся и нервно начал барабанить пухлыми пальцами по столу.

— Тут какое дело, господа, — начал он. — Не получится его допросить-то.

— В смысле не получится? — вскинул брови Нежич. — Вы ему язык отрезали что ли? Дак зря. Колдуны и без слов плести могут.

Брог вытер выступивший на лбу пот рукавом рубахи и еще раз отхлебнул из кружки.

— Нет, язык мы ему не резали. Да и вообще мы ничего у него не отнимали. Сожгли мы Зелана. Целиком.

Проклятый колодец. Глава 2

— Как сожгли? — Нежич нахмурился и посмотрел на старосту. Брог ерзал на месте под тяжелым взглядом охотника. Пот обильно стекал по его полному лицу.

— Э-э-э, тут такое, — промямлил он. — Не я решил, батюшка дланник. Народ все. Людишки у нас темные, необразованные. Как колдуна словили, так и сожгли сразу же в эту самую ночь. Эт самое... Избавиться от темного быстрее хотели.

— У нас запрещен самосуд, — сухо отчеканил Нежич. — А самосуд над колдунами — тем более!

Охотник ударил кулаком по столу, встал и навис над побелевшим от ужаса Брогом. Глаза у дланника сузились и он прошептал

— Ты, паршивец, не просто позволил нарушить закон. Ты, вероятно, лишил своих людей последней надежды на избавление от проклятья. Хочешь, чтобы вся деревня сдохла от жажды? Или от хворей? Ты, собака, понимаешь, что натворил, позволив своим жителям убить колдуна?

— Н-н-нет, я...

— Молчать, — прошипел Нежич. — Мы поможем. Не тебе. Твоим людям. Они не виноваты в том, что над ними стоит тугоумный осел. Но, если у нас ничего не выйдет, то виноват в этом будешь именно ты!

Зашевич сидел и не шевелился. Ему показалось, что он даже забыл как дышать. Никогда за свою жизнь он не был так близок к смерти. Вызвать на себя гнев дланника — иногда равносильно смертному приговору. Но в этот раз старосте повезло. Нежич вышел из-за стола, кивнул Пустыру и спросил Брога:

— Вы прах колдуна где закопали? Скажи мне, мил человек, что вы хоть тут не напортачили, обрадуй.

— За церковью, на... на святой земле. П-п-прямо под старой осиной, — выдавил из себя староста, сам дрожа не хуже осинового листа. Нежич удовлетворенно хмыкнул и вышел из избы.

На улице стемнело за то время, пока дланники говорили с Брогом. Бледного лунного света было достаточно, чтобы не запнуться о неровности на сельской дороге, поэтому Нежич зашагал в сторону церкви. От недовольного и грозного выражения лица не осталось и следа. Пустыр, идущий рядом, удивился такой резкой перемене настроения.

— Ты зачем представление устроил? Ну сожгли и сожгли, мало ли в деревнях люди развлекаются. Это же не значит, что нужно на них навлекать гнев всевеликой Длани.

— Мне нужно было посмотреть на то, как он себя поведет, если надавать. Ну и, во-первых, закон нарушать нельзя, — начал терпеливо объяснять ему Нежич. — Во-вторых, староста, позволив людям сжечь колдуна, лишил наших утробников пищи. Точнее, лишил бы, если бы все было, как он рассказывает.

— В смысле, ты хочешь сказать, что?..

Вместо ответа охотник кивнул.

— Бессмысленная жестокость может породить только жестокость.

Дланники подошли к небольшой, но крепкой церкви. По строению было видно, что священник заботится не только о прихожанах, но и о святом месте. Гнилья на стенах заметно не было, двор в полном порядке. Даже на кладбище не было сорной травы.

Строение, около которого остановились охотники, венчал знак Первобога — рука с вытянутыми вверх указательным, средним и безымянным пальцами. Большой и мизинец прижаты друг другу. Рука светилась и сияния ее было достаточно, чтобы озарить весь церковный двор даже тогда, когда бледная луна скрывалась за тучами. Пока ее сияние не гасло, селяне могли спать спокойно и знать, что Первобог защищает их от нечисти.

Темно-красный след на шпиле и алеющие под светом капли на крыше указывали на то, что рука была поставлена на место сразу же после отсечения.

Нежич поморщился, глядя на священный знак. Люди уже ушли из церкви, воздав благодарность Первобогу, поэтому дланник без зазрения совести и без стука распахнул дверь храма.

— Хозяин! — позвал он с порога. — Как тебя там?.. Ивряш? Покажись.

Из глубины храма донеслось недовольное ворчание:

— Кого там еще несет ночью? Не знаш, калдун ходить?

Из комнатухи, примыкающей к залу для молитв, высунулась лысая голова с куцей бороденкой. Старик с заспанным лицом внимательно оглядел стоящих на пороге путников и скрылся обратно. Через минуту с кряхтением вышел к охотникам. В отличие от старосты, он не стал падать на колени перед дланниками, а наоборот, всем своим видом показывал, что недоволен их визитом.

— Чего надоть? Кто вас звал-то?

— Отец, ты бы повежливее был, — укорил его Пустыр. В ответ священник засмеялся.

— С кем? С колдовским отродьем, старым богам поклоняющимся? Неча, никогда вас не привечал. И не собираюсь.

Пустыр зашел внутрь церкви, взял Ивряша за грудки и припечатал к стенке. Писания Книги Трех пальцев в рамках, развешенные вокруг, дернулись от мощного удара. Священник застонал.

— Хватит, Пустыр,пусти его, — Нежич поморщился. Не стоил этот святоша даже того, чтобы на него повышать голос. — Ивряш, мы тут по делу.

Священник Первобога встал с пола, закашлялся.

— Хорошенькое у вас дело, итить. Вы каждого так за шкуру бросаете? Тварюги.

Он вздохнул и взмахнул рукой, приглашая их в храм. Нежич успел заметить, что рука, высунувшаяся из-под широкого рукава одеяния священника, уже с приличного вида култей на месте кисти.

— От приглашения я откажусь. Так поговорим, — покачал головой Нежич. Его давно уже предали анафеме за то, что он решил судить одного нерадивого священника. Но что поделать? Святоша решил, что он стоит выше всех законов, и зачем-то обратился к ведьме, чтобы та приворожила какую-то бабенку.

А церковь не шибко-то жаловала, когда над ее сынами суд вели без ее же ведома. С тех пор отлученный Нежич не мог пересекать порог никакого из храмов.

— Давно руку-то отдал, отец?

— А тебе какое дело собачье? — огрызнулся тот. — Спрашивайте, что хотите, и проваливайте отсюда.

Пустыр деловито проверил, с легкостью ли меч вытаскивается из ножен. Священник, заметивший быстрое движение, притих.

— Не балуй, святоша, — усмехнулся охотник. — Лучше расскажи, что тебе про колдуна известно?

— А че, Брог не все сказал? Не доконали его?.. Ладно, ишь, слушайте.

Священник не рассказал ничего нового. Единственное отличие его слов от того, что поведал староста, заключалось в моменте, когда он давал благословение на поимку ворожея.

— Ко мне тогда Зашевич с мужиками пришел. Глаза — ух как горели у них. Што свечи вон. Все с оружьями, готовые уже, решили либо словить тварину, либо головы сложить. Ну а я? Я же не запрещу им богоугодное дело творить. Вот и благословил. А уж дальше я не в ответе за то, что сделали.

Сожгли Алексея на костре сразу же после того, как поймали. Мужики вбили на площади Больших Курков столб, натаскали дров. К столбу привязали здравника, облили его и дерево

маслом для пущей точности и спалили колдуна. Прямо рядом с деревенским идолищем. Ивряш заверял, что пытался отговорить селян от этого, но никто его даже и не думал слушать.

— А отчего это ты, святоша, не хотел, чтобы мы в деревню явились? — вдруг спросил Пустыр.

Ивряш поморщился.

— Вы, дланники, где ходите, там только худо появляется. Вы же чары не творите, хоть и сами от этих колдовских пошли. Какой с вас толк? Чародей сгублен, проклятие вы с колодца не снимите, потому что не умеете. Чевой приперлись-то?

Нежич коротко хохотнул.

— Это ты прав, да, отец. Проклятие мы точно не снимем. Да и с ворожеем вы сами справились, молодцы. За нас нашу работу сделали. Вот только, знаешь ли, есть одна незадача. Вы не того сожгли.

Лицо священника за секунду изменилось до неузнаваемости. От смеси презрения и усталости не осталось и следа. Ивряш испугался настолько, что начал трястись.

— Как не того? — прошептал он.

— А вот так. Загубили невинную душу. Что тебе твой Первобог скажет, коль ты на это благословение дал? Снизойдет и погладит по головке лично? Руку вернет? Сразу в небесные кущи заберет, или куда вы там после смерти попадаете? Сдается мне, что все мои предположения совсем неверные.

Ивряш, все еще продолжая трястись от страха, вытолкал из церкви Пустыра. Откуда только взялись силы у еще минуту назад немощного старика. С криками о том, что не отмолиться ему до самой смерти, он захлопнул двери.

Как только перестал скрипеть покачивающийся над входом в храм фонарь, вокруг воцарилась тишина, изредка прерываемая карканьем и уханьем. Нежич стоял и долго, задумчиво осматривал церквушку и знак Первобога на ней — отрезанную руку Ивряша. Молчание первым нарушил Пустыр:

— Ты уверен, что они убили не колдуна?

Нежич хмыкнул и пожал плечами.

— Откуда ж теперь узнать? Ты же видел, я и мертвого разговарю. Проблема в том, что в этот раз у нас нет трупа. Только горстка пепла, да и ничего больше. В одном я уверен точно: колдун не сдался бы просто так.

— В смысле?

— Да в самом что ни на есть прямом. Проклятие на колодце, которое описывали местные, довольно сложное. Ворожей-новичок или со слабыми силами такого сотворить не сможет. А опытный и проженный никогда не станет размениваться на такую хреновину, как зачаровать колодец. Он, если бы хотел известить местных, очень удачно и изощренно сделал бы это сотней других способов попроще. Например, вскипятит бы всем разом кровь. Или наслал те же самые болезни. Поднял бы парочку трупов с заброшенных погостов неподалеку. Делов-то... В конце концов опытный чародей никогда бы не позволил кучке оборзевших и поверивших в себя крестьян взять себя живьем. Даже, если они приперлись к нему в хату с вилами.

— Получается, что кто-то нам брешет? — вкрадчиво спросил Пустыр.

— Получается, что так, — согласился Нежич. — Значит сделаем как, дружище. Ты иди, осмотри колодец. А я тут оглянусь. Если верить словам старосты, то за церковью лежит наш невинно убиенный... Точнее то, что от него осталось.

Пустыр ушел. Нежич, морща глаза, еще поглядел на сияющее наверхие и обошел церковь. Старую осину он нашел быстро. Дерево мерно покачивалось на порывах ветра, словно убаюкивала покойника, лежащего в корнях. Недалеко от ствола виднелся кусок свежеразрытой земли. Нежич подошел, наклонился и втянул ноздрями воздух. Над могилой колдуна,

правильно похороненного, конечно же, всегда пахло тухлятиной. Здесь же охотник не учуял ничего, кроме запаха сырой земли и надвигающегося дождя.

Вдруг левая щека у Нежича зачесалась. Он усмехнулся и спросил в пустоту:

— Проснулся?

На щеке у дланника появился длинный разрез, почти от уха до уголка губ. Кожа разошлась, щека наморщилась, показались два ряда неровных зубов, больше похожих на небольшие клыки. Из второго рта высунулся длинный и узкий язык, облизнул только что появившуюся пару губ.

— С вами поспишь, — сказал рот, улыбаясь. — Орете тут, как бешенная сука во время случки. И трахают ее и жрать хочется.

Нежич громко засмеялся. От резкого звука вспорхнула птица, сидевшая на осине.

— Не трясись так, голова болит, — пожаловался рот.

— Бреешь, Чур. Нет у тебя головы, — резонно заметил охотник.

— И что? — обиделся Чур. — Это не значит, что она не может болеть. И вообще. Сколько ты меня не кормил? Месяц? Больше? Я, между прочим, очень сильно хочу жрать. Убил бы за кусок мяса, да нечем убивать-то.

— Прости, Чур, но в этот раз тебе ничего не перепадет. Ты же не будешь есть пепел вперемежку с землей из-под осинки?

— Я эту осинку сейчас тебе в известное место засуну! Надоел ты мне. Голодом моришь, работать заставляешь. Уйду я к другому хозяину, дождешься!

Нежич заулыбался. Утробник ему достался говорливый, не у каждого дланника такой есть. Существо, выведенное еще во времена войны смертных с колдунами, с течением лет стало неотъемлемой частью любого охотника. Неотъемлемой — в самом прямом смысле. Один раз поселившегося в человеке утробника уже было невозможно вытащить ничем. Поэтому Чур, так назвал своего внутреннего жителя Нежич, лукавил. Никуда он уйти, конечно же, не мог.

Но и есть ему действительно хотелось. Питались эти существа мясом и внутренними органами людей. Но самым лакомым кусочком для них были чародеи всех мастей.

У большинства утробников почти не было своего сознания. Однако попадались и такие, как Чур. Характерные. Некоторые из них могли своей сущностью подчинить охотников, сделать их своими рабами. Безвольными марионетками своих внутренних хозяев. И тогда этих дланников ждала страшная участь.

— Прекращай языком трепать, — укорил его Нежич и вытянул обе руки над могилой. — Посмотри лучше, что тут у нас есть?

— С тебя сердце. Вкусное. Можно и у того святоши вырезать, не нравится он мне. Все равно оно ему не нужно. Черствый он, как сухарик, неделю на печи лежавший.

— Пусть живет отец, — заступился охотник. — Но да, ты прав. Характер у него скверный... Глядеть-то будешь, или нет?

Рот что-то недовольно пробурчал и замолк. На вытянутых ладонях Нежича открылись два глаза с темно-зелеными зрачками. Прямо из них вырвалось множество тоненьких изумрудных молний, которые ударили в землю и начали, будто щупальца морского гада, ощупывать поверхность.

Нежич перестал видеть все, что его окружало. Все смазалось в одну серо-бело-черную палитру. На него будто навалилась тьма, среди которой слегка пробивались очертания предметов. Вот сумрачная осина, покачивающаяся в абсолютной тишине. За ней еле видно серой дымкой забор, а под деревом — темнота.

— Никаких тебе следов. Чистота, как под юбкой старой девы, — сказал Чур.

Нежич медленно водил руками по могиле Алексея и вокруг нее, пытаясь увидеть хоть какой-то след волшбы, хоть единственное упоминание того, что сожженный заживо здравник когда-то творил колдовство.

Но совмещенное с утробником зрение не видел ничего, кроме серых очертаний дерева и черноты насыпанной над прахом невинно убитого селянина земли.

Молнии перестали бить в чернозем, глаза на ладонях закрылись. Зрение Нежича вернулось обратно. Осину освещала рука на верхушке церкви, деревянный забор внезапно обрел четкие очертания, за ним виднелся ночной лес.

— Все-таки я оказался прав. Не того они сожгли, — задумчиво сказал дланник.

— Того... Не того... Тебе ли не все равно? Я и так трачу последние силы на то, чтобы помочь тебе увидеть эти колдунские штучки. Ну срежь ты для меня хоть палец этого священника! Уж больно он вкусно выглядит, — мечтательно сказал Чур.

— Обойдешься, — отрезал Нежич. — А деревенских кто защищать будет?

— И так перемрут, чего это их защищать. Да и не жалуешь ты этого Первобога. Скажи мне еще, что я лгу.

— Да вот тут ты прав.

— Я всегда прав!

— Не перегибай мне тут. Еще месяц кормить не буду.

Чур обижено замолчал, рот на щеке охотника закрылся. Нежич встал с земли и пошел в сторону колодца, где Пустыр со своим утробником должен был осмотреть его и опознать проклятие, наложенное колдуном.

Только вот теперь, когда подозрения Нежича подтвердились, появился один большой вопрос. Кто здесь тот самый ворожей?

Охотник встретил друга возле колодца. Тот ощупывал его фиолетовой молнией из правой руки. Пустыр еще не смог открыть второй глаз у своего утробника, поэтому ему приходилось тяжелее, чем другим, более опытным дланникам. Когда Нежич подошел к колодцу, Пустыр как раз закончил, закрыл глаз на ладони и посмотрел своими глазами на соратника. По его взгляду, охотник понял, что дело — дрянь.

— Нашел что-то? — спросил его Нежич.

Пустыр в ответ помотал головой.

— Утробник молчит. Никаких следов проклятия... Да и вообще какой-либо творившейся волшбы. Чистота на колодце и воде. Вот только...

Нежич слегка напрягся.

— Что только?

Пустыр поежился, будто начал замерзать. Вокруг царила вполне себе обычная летняя ночь, омрачаемая только надвигавшимся дождем, но Нежич почувствовал, что его другу не по себе.

— Человеческим гнильем тянет с колодца, — поделился Пустыр. — Сильно тянет. Не настолько, как когда взрослый мужик помер, но все равно.

Нежич задумался. Запах, который почуял уже и он, объясняет хвори, появлявшиеся у местных. Гнилье в колодце — дело не такое уж и редкое. Бывает свалится туда какой-нибудь грызун или кошка. Да и пьяницы бывало тонули, решившие пойти и набрать воды перед сном, потому что их погнала к колодцу озлобленная от вечно охмелевшего мужа жена. Но что-то подсказывало охотнику, что сейчас стоит проверить колодец. И, почему-то, он был уверен, что найдут они там не захлебнувшуюся животину.

Нежич поставил на землю возле колодца свою заплечную сумку, пошарил в ней и достал что-то маленькое. Раскрыл левую руку и положил предмет на нее. На обращенной вверх ладони открылся глаз, аккурат под мелкой штуковиной.

— Сейчас мы узнаем, что плавает на дне этого "проклятого" колодца, — пробормотал охотник.

Из глаза на ладони вырвались зеленые маленькие молнии и осветили лежащий на ней язык. Человеческий высушенный язык.

Проклятый колодец. Глава 3

Зеленые молнии окутали язык, лежащий на ладони Нежича, в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.